

**Июль 1918 – как народ Царя
оплакивал**

Под звездой Богородицы 2018

Июль 1918 - как народ Царя оплакивал

В подвале Ипатьевского дома еще не высохла кровь, а на Дону и Украине, где не было большевиков, уже служились панихиды. Люди рыдали, каялись и не хотели верить в случившееся. Мы собрали свидетельства участников и очевидцев одной такой всенародной панихиды - в Харькове. Только свидетельства, без заметок и комментариев. Написанные разными людьми в разное время, они отличаются в деталях, но удивительно одинаково передают настроения тех июльских дней 1918 года. Прочтите их, сравните, погрузитесь в эпоху.

Из воспоминаний святителя Иоанна Шанхайского:[[Цит. по: Фомин С. Дonyaне потрясает... Екатеринбургскому злодеянию 89 лет. // Русский вестник, 6 июля 2007 г.]]

Михаил Максимович, будущий святитель Иоанн Шанхайский

В начале июля 1918 года разнеслась весть, что убит большевиками находившийся в заключении в Екатеринбурге Император Николай II. То известие немедленно было опровергнуто советским правительством. Но через день-два от него же последовало сообщение, что Царь убит, а Семья "увезена в надежное место".

Потрясающая весть не была осознана сразу. Надеялись, что вновь она будет опровергнута. Наряду с известием об убийстве пронесли вести, что Царь и вся Семья спасены и освобождены из заключения верными людьми, сумевшими проникнуть к Царской Семье и вывезти Ее в безопасное место. Оба известия распространялись одновременно, и не знали, чему верить.

В Харькове одна из газет печатала сведения о бывшем убийстве, а другая, в то же время, все большие подробности об увозе из заключения Царской Семьи. Наконец, в обеих газетах появилось объявление о панихиде по Государе после Литургии в соборе в воскресенье 15 июля в день св. Владимира. К началу Литургии в этот день к собору стал стекаться народ. На паперти собора обращала на себя внимание стоявшая группа офицеров. Началась Литургия при уже большом стечении молящихся.

В начале Литургии в собор вошел, окруженный офицерами в форме и орденах, ген. Келлер, бывший командир 10 (правильно - 3-го - Прим. Правмира) Кавалерийского корпуса. Около года он не выходил из своих комнат, прибыв с фронта после отречения, чтобы не снять с себя погон и не появляться без формы Императорской Армии.

Владыка благословил

Из воспоминаний генерала Бориса Штейфона:[[ГАРФ. Ф. 5881. Оп.2. Д. 754. Генерал-майор Б. Штейфон. Харьковский Главный Центр Добровольческой Армии. 1918 г.]]

С глубоким уважением относясь к графу Келлеру, я никогда не позволял себе прикрываться его авторитетом, а тем более - втягивать его в ту военно-политическую деятельность, которая увлекала тогда меня. Только один раз я счел необходимым предложить графу публичное выступление. Это было в те печальные дни, когда в Харьков дошла весть о мученической гибели Государя и его семьи. Совместно со своими друзьями мы решили отслужить всенародную панихиду в кафедральном соборе. Дабы оформить это намерение, я побывал у архиепископа Антония. Владыка отнесся с полным сочувствием к моей просьбе и не только благословил ее, но и заявил, что лично будет служить заупокойную литургию.

Панихида была назначена в ближайшее воскресенье, о чем и было объявлено в газетах. Одновременно было дано указание офицерам присутствовать в парадной форме. Утром в воскресенье я заехал в автомобиле за графом, и мы отправились в собор. Ф.А. был при орденах, я тоже. Наш проезд по Сумской улице и Николаевской площади, то есть по самым многолюдным местам, привлек общее внимание.

Особенно поражало количество женщин

Из газеты "Русская жизнь":["Русская жизнь", 30 (17) июля 1918 г.]

28 июля к Кафедральному собору стеклись громадные толпы народа, пришедшие отдать последний долг памяти убиенного царя.

Присутствовало много русской интеллигенции: видные представители кадетской партии, много монархистов, но большинство беспартийных: профессора, адвокаты, врачи, судейские, некоторые гласные, земцы.

Особенно поражало количество женщин. Это и понятно, так как женщина острее переживает страдания не только свои, но и других. А сейчас, когда страдает вся Русь, русская женщина пришла помолиться о несчастной нашей отчизне и за душу отошедшего царя. Когда рыдающие звуки молитв летели к голубому небу, казалось, что Бог услышит общую скорбь и не даст погибнуть земле родной. И верилось, что мученическая смерть царя разбудит всех уснувших, малодушных, вызовет на великие жертвы, ослепленные и обманутые увидят правду.

Объявление о панихиде в газете "Русская жизнь"

Церковь превратилась в море рыданий

Из газеты "Возрождение":["Возрождение", 29 (16) июля 1918 г.]

Вчера с утра к Кафедральному собору стали стекаться отдельные группы граждан, привлеченные анонимными извещениями и слухами, что в этот день будет отслужена панихида по убиенном бывшем императоре всероссийском.

С 10 ч. утра началось служение молебна, прерванное, однако, извещением, что прибыла из Киева делегация церковно-приходских советов, едущая туда с ходатайством за ген. П.И. Залесского, и сообщила, что Николай II действительно расстрелян, что в Киеве о нем отслужена была панихида митрополитом Антонием.

По требованию молящихся отслужена была затем панихида, прерываемая рыданиями наполнившего храм народа. (Один офицер даже упал, потеряв сознание).

Из газеты "Русская жизнь»:

"Со святыми упокой, Господи, душу убиенного благочестивейшего Государя Императора Николая второго... в месте светлом, месте злачном, идеже нет болезни, ни печали, ни воздыхания... Но жизнь бесконечная... надгробное рыдание...", торжественно низкой сурдинкой провозглашает диакон поэтическую святую песнь и громкие рыдания заглушают последние слова.

Мороз пробегает по коже. Жуткая минута: народ оплакивает убийство своего помазанника и вместе с ним хоронит все старые идеалы... Церковь тихо плачет.

При пении вечной памяти многие громко рыдают.

Независимо от всякой политики: убит человек, расстрелян, и невольно перед глазами встает

лицо императора.

Удивительно внимательные глаза останавливаются на лице каждого и как будто каждому говорят что-то хорошее, ласковое.

...И чувствуется тихая боль, как у могилы близкого и родного человека.

Харьков. Успенский кафедральный собор

Из воспоминаний святителя Иоанна Шанхайского:

В течение Литургии народ все прибывал и переполнил храм. Молящиеся почти были прижаты друг к другу. Во время запричастного стиха на амвон вышел протоиерей Иоанн Дмитриевский и начал слово. “Царь убит”, – сказал он. Едва он произнес это, послышалось рыдание. “Я не буду говорить от себя, – продолжал он, – я прочту то, что говорил о Нем митрополит Антоний в день десятилетия Его Царствования”. Проповедник начал читать по книге характеристику юного тогда Государя, рыдания все усиливались. Вся церковь превратилась в море рыданий и воплей, проповедника уже не было слышно. Напряжение достигло чрезмерных пределов. Слышались несвязные слова почти обезумевших людей. “Выпустите белку”, – задыхаясь от духоты, кричала какая-то женщина.

Из газеты “Русская жизнь»:

Во время литургии пр. И. Дмитриевский произнес слово, посвященное памяти царя-мученика.

Когда семья, говорил проповедник, узнает, что ее отец и кормилец, бывший в плену у врагов, убит, ужас наполняет тогда все сердца, плачь и рыдания раздаются отовсюду. Эту семью ныне составляем мы: мы получили сведения, к сожалению, официальные, что убит помазанник Божий, пролита невинная кровь царя-мученика: без суда казнен тот, за которым не могли найти преступлений даже злейшие его враги! Помолимся об упокоении невинно убиенного царя-мученика Николая II. Оратор заметил, что есть известия и о том, что советская телеграмма не отвечает действительности.

Личность императора Николая II оратор охарактеризовал со стороны его глубокой веры в Бога, смиренной покорности воле Божией и отеческой заботливости о благе церкви и о сохранении исторических заветов русского народа. При Николае II были открыты мощи Феодосия Черниговского, Иосафа Белгородского, Серафима Саровского, Питирима Тамбовского и Иоанна Тобольского. Он заботился о мире всего мира, к чему призывал правителей всех народов. Как человек, он был необыкновенно гуманным, и особенно заботился об устройстве приютов для бедных. Потеря его есть потеря цемента, связывавшего разноплеменную Россию, потеря исторических заветов ее; поэтому и так дорог он нам, поэтому и так плачем мы о нем.

К Гетману Украины и императору Вильгельму

Из воспоминаний святителя Иоанна Шанхайского:

Генерал Келлер

Царские врата раскрылись и Литургия продолжалась, приближаясь к своему концу. К концу Литургии народу было столько, не только в самом соборе, но и вокруг собора, что панихиду в церкви нельзя было служить. Решили служить ее на площади перед собором. Из алтаря, по окончании Литургии, потянулось духовенство во главе с епископом Неофитом Старобельским, управлявшим тогда Харьковской епархией. На площади между собором и присутственными местами было устроено возвышение, на которое взошло духовенство. Народ заполнил всю площадь. В стороне от него, в конце площади, стояла группа немецких офицеров, т.к. Харьков в то время был оккупирован, как и вся Украина, германскими войсками.

Началась панихида. Поминали новопреставленного убиенного Государя Императора Николая Александровича, а также убиенного за полгода перед тем митрополита Владимира, бывшего в тот день именинником. Когда закончилась панихида, на возвышение взошел председатель Съезда мировых судей, член Московского Всероссийского Собора Иван Михайлович Бич-Лубенский. Он обратился к народу с краткой речью: “Государь убит, – сказал он, – но жива Царская Семья. Наш долг позаботиться об Ее спасении. Мы не имеем сейчас возможностей снести с нашими союзниками. Мы имеем сейчас других союзников – обратимся к Германскому Императору, чтобы он позаботился о спасении Царской Семьи. Все согласны?”

Гробовое молчание было ответом. “Все согласны?” – переспросил Бич-Лубенский. “Ваше Высокопревосходительство, вы согласны?” – обратился он к ген. Келлеру, стоявшему впереди. “Нет, не согласен, – на всю площадь ответил Келлер так, что голос его долетел до немецких офицеров, стоявших на краю площади. – Нет, не согласен! Русская Царская Семья должна быть спасена русскими руками!” Бич-Лубенский разрыдался и сказал: “Но я верю, что Царь не убит, что Царь жив!”

Из газеты “Возрождение”:[“Возрождение”, 30 (17) июля 1918 г.]

После речи И.М. Бич-Лубенского все присутствовавшие уполномочили епископа Неофита и И.М. Бич-Лубенского обратиться к Гетману Украины и императору Вильгельму, как стражу закона и порядка, с телеграфною просьбою принять меры к ограждению царской семьи от произвола разбойников большевиков. Во время панихиды при пении “вечной памяти” усопшему императору раздались снова рыдания. По окончании панихиды в соборе был отслужен молебен с провозглашением “многая лета” Гетману Украины и семейству Романовых.

Из воспоминаний святителя Иоанна Шанхайского:

Медленно расходился народ после панихиды. Через год мы узнали, что не только Государь, но и вся Царская Семья были тогда уже убиты. Впоследствии на том самом месте, где Иван Михайлович Бич-Лубенский говорил речь, он был расстрелян вновь занявшими Харьков большевиками.

Из воспоминаний генерала Бориса Штейфона:

После литургии духовенство проследовало на Соборную площадь и в присутствии массы народа отслужило торжественную панихиду. В благоговейном молчании молились русские люди за своего царя-мученика. Редко у кого не было слез. Оплакивали царя, оплакивали и погибающую Родину!

Панихида на Соборной площади произвела сильное впечатление. Площадь эта являлась традиционным местом былых парадов, торжеств. И невольно вспоминались иные дни, иные картины, с воспоминаниями о которых отождествлялось недавнее величие нашей Родины

И живым воплощением близкого прошлого являлась фигура графа Келлера. Среди огромной толпы, в мундире и орденах Императорской Армии, престарелый и величественный, на голову выше других, он так ярко олицетворял величие и блеск Империи!

С тяжелой душевной болью сознавалось, что русские люди на русской земле могли свободно молиться о русском царе только потому, что город был занят вражескими войсками. Какая ужасная нелепость жизни!

По окончании панихиды граф Келлер мог лишь с трудом пробраться к автомобилю. Толпа обезумела: люди плакали, крестили графа, старались дотронуться до его мундира, шашки...

Всенародно, но, увы, поздно, каялись в вольных или невольных прегрешениях перед покойным Государем, перед загубленной, поверженной в уныние, еще недавно великой Россией...

Потрясенные возвращались мы домой. Молчали. Да и что мы могли сказать друг другу в те минуты, когда так остро, так больно переживали национальное горе, национальный позор?

Панихида по родине

Из газеты "Возрождение":

После панихиды молившиеся долго не расходились, обсуждая на площади перед собором то, что произошло с Россией после низвержения монарха. Не слышно было никаких надежд на будущее, никакой веры в возможность какой бы то ни было спасительной для нашей погибшей родины деятельности. Без страстности, которую привыкли мы встречать на таких собраниях за время революции, без ожесточенных споров, но с безнадежною скорбью признавались все, что погубили Россию.

Уныло искали виноватых.

Многие просто жаловались на то, до чего довела Россию революция, никого в частности не обвиняя. И от унылой пестроты всего сказанного в этот печальный день теми, кто когда-то наивно радовался весне и революции на той же самой площади, осталось одно впечатление, одна мысль: гибель монархии - гибель России.

Всем было ясно, что панихида по императоре - это панихида и по родине.

Подготовил Артем Левченко

Источник: [Православие и Мир](#)